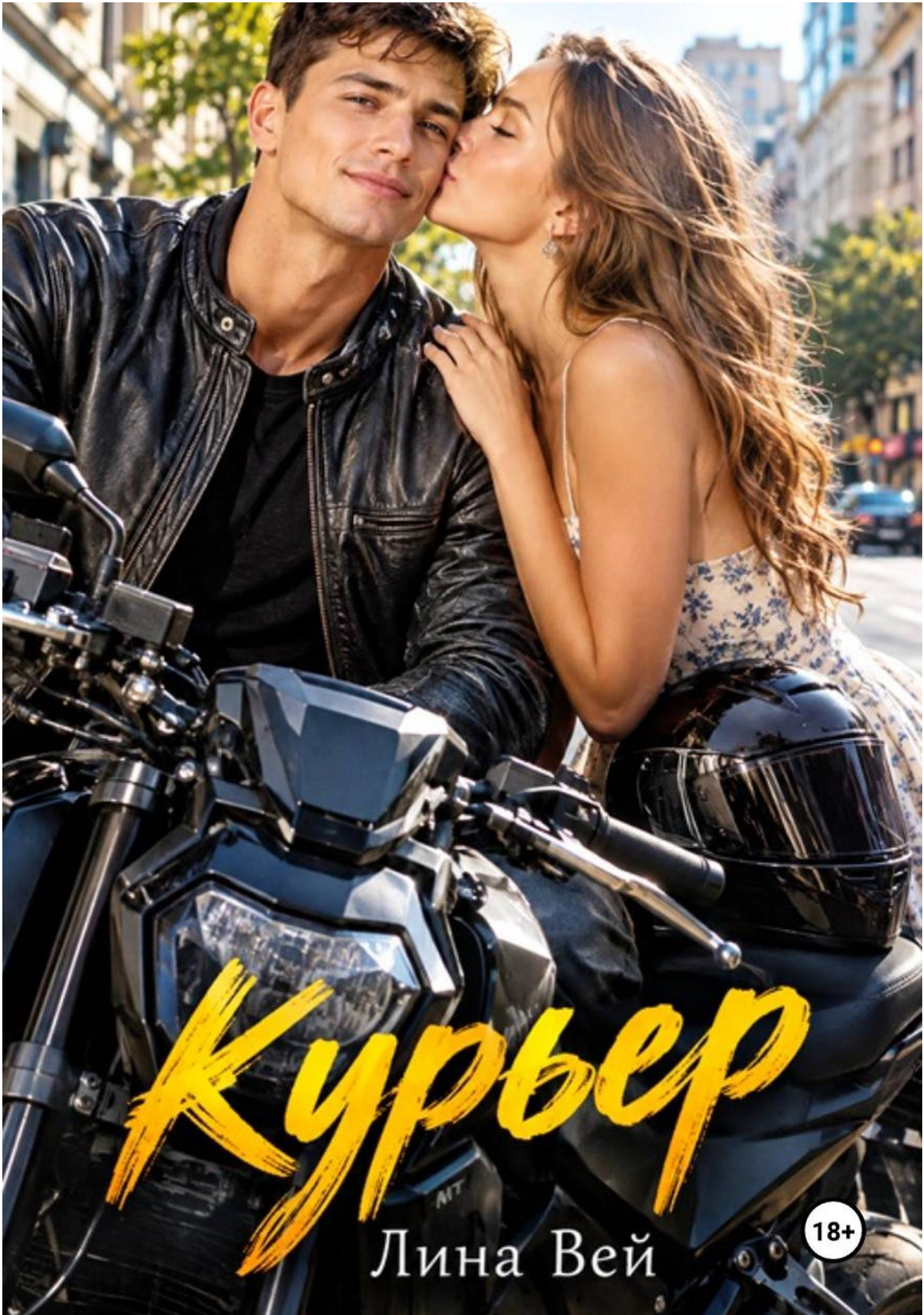

Курьер

Лина Вей

18+

Лина Вей

Курьер

«Автор»
2026

Вей Л.

Курьер / Л. Вей — «Автор», 2026

Макс живёт по трём правилам: не открывать, не спрашивать, не останавливаться. Ночью, в дождь, с чёрным пакетом за спиной и часом на всю дорогу — это не работа. Это просто то, что он умеет лучше всего: доставить.Правила работали безотказно. Пока он не остановился.Она стояла на обочине — мокрая, с разбитой губой, с рюкзаком, в котором было пусто даже на ощупь. Кира бежала не от правосудия и не от нищеты. Она бежала от собственной семьи: от отца, для которого она была не дочерью, а рычагом в большой игре, и от жениха, который бил её — уверенный, что она вернётся. Отец убедил бы его в этом за деньги. Отец владел половиной города.И ещё одна мелочь, которую Макс узнал позже: пакет за его спиной был не просто пакетом. На нём была метка — три буквы синим маркером, клеймо человека, чья дочь теперь спала на его раскладушке и просила не уезжать. А внутри, возможно, лежало то, за чем уже охотились. С двух сторон. Может, с трёх.

© Вей Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Доставь за час 5
Глава 1. На обочине 7
Глава 2. Кофе и ложь 9
Глава 3. Таймер 12
Глава 4. Дворы-колодцы 14
Глава 5. Гараж 16

Лина Вей
Курьер

Пролог. Доставь за час

Дождь начался ещё засветло и к ночи уже не работал, а жил. Стучал по гофрированной крыше гаража, шипел в проводах, собирался в лужах, в которых плавал жёлтый фонарь — единственный на всю улицу.

Макс бывший военный водитель, полтора года в Афганистане, срочник. Живёт в гараже на окраине. Из вещей: мотоцикл, спальный мешок, набор ключей, нож (подарок отца), телефон без интернета. Не пьёт. Не курит.

Макс сидел на мотоцикле у ворот. Не заводил, просто сидел. Двигатель остывал, потихоньку тикая, как чайник, который сняли с плиты, а он всё не верит. Визор был поднят — зачем, тоже непонятно. Так смотрелся лучше.

За стеной, в соседнем гараже, храпел Гена. Сквозь стену слышно было хорошо — тот храпел, как будто заводил дизель: сначала по первому разу не схватит, потом схватится и будет ровно, до утра.

Макс подумал, что в такую ночь хорошо бы спать. Спальный мешок на раскладушке уже прогрелся. Книга лежала раскрытой лицом вниз на полке — Достоевский, до которого он всё собирался дойти с прошлой недели. Всё было правильно и хорошо.

Телефон завибрировал в кармане куртки. Один раз. Потом ещё раз.

Макс вытащил его, посмотрел на экран, вздохнул и ответил.

— Слушаю.

— Макс. — Голос Толяна был будничный, но чуть на взводе. Макс давно научился слышать эту разницу. — Срочное. Чёрный пакет. Забираешь на Складе, везёшь по адресу. Оплата тройная. Время — час. Без вопросов.

— Как всегда.

— Не как всегда. — Толян сделал паузу. По телефону было слышно, как он переминается, хотя звука шагов не было. Он умел переминаться голосом. — Оплата тройная, значит, риск тройной. Подумай.

— Не думаю. Еду.

— Макс…

— Что?

— Ладно. Езжай. Адрес скину.

Телефон умолк. Макс опустил его в карман, посидел ещё секунду и пнул откидную подножку. «Думать» было не его работа. Он возил. Куда, что, зачем — это вопросы, а вопросы в его ремесле стояли дороже всего на свете. Вопрос задал — значит, хочешь знать. Хочешь знать — значит, вляпался.

Правил у него было немного, и он их держал, как держат подшипник в ступице — не видно, но без него всё разваливается. Первое: не открывать. Второе: не спрашивать. Третье: не останавливаться. До этого вечера все три работали безотказно.

Про третье он ещё подумает. Не сейчас.

Склад встретил его лампочкой на проводе и запахом коробок, тентов, пролитого когда-то машинного масла. Человек у железных ворот стоял в старой куртке с капюшоном, капюшон не надел, и дождь стекал ему за шиворот.

— Ты от Толяна?

— Да.

— Пакет.

Пакет передали из рук в руки, быстро и без лишних слов. Макс опустил его в рюкзак — и на секунду задержал. Пакет был тяжёлый, не кирпич, но тяжёлый для своего размера. Размером с книгу. Обмотан скотчем крест-накрест, старательно, слоями — такие пакеты мотают не для гостей, а чтобы не развалилось, если уронят, пнут или бросят с моста.

На боку, прямо по скотчу, была метка. Три буквы, синий маркер, писали наспех — буквы слиплись, читались наполовину. Какое-то В, какое-то П, дальше неразборчиво. Макс скользнул по ним взглядом и отвернулся.

Не моё дело.

— Час, — сказал человек у ворот, и капюшон его наконец качнулся.

— Успею.

— Смотри. Не как обычно.

— Как обычно, — сказал Макс и застегнул рюкзак.

Замок на рюкзаке щёлкнул дважды. Он всегда щёлкал дважды — Макс даже не помнил, когда начал это делать, но застёгивать один раз было уже невозможно, как есть суп не той ложкой.

Во дворе он сел, завёл. «Ямаха» ожила сразу, без капризов — она единственная в его жизни никогда не спорила. Макс опустил визор, и мир сузился до дороги: мокрый асфальт, в котором плыл неон, редкие машины, светофоры, гоняющие дождь то влево, то вправо.

Дождь бил в визор — не стучал, а именно бил, ровно как метроном. Макс вёл по объездной, потом свернул во дворы — привычка: меньше камер, меньше глаз. Фонари в дворах были реже и хуже, и это хорошо.

Адрес пришёл на телефон. Время на часах — двенадцать сорок. До сдачи — пятьдесят минут.

Пакет лежал за спиной. Тяжёлый, с меткой, про которую он постарался забыть через три секунды после того, как увидел. Забудется не сразу — не сразу такие забываются, когда оплата тройная.

Один час. Одна посылка. Ноль вопросов.

Так всегда было, и Макс не знал, что сегодня, в конце этой дороги, на пустой обочине, под дождём, правило про «не останавливаться» лопнет — тихо, без звука, как лопается плёнка на мокрой куртке, — и Макс поедет совсем не туда, куда планировал.

Но до этого оставалось ещё несколько километров хорошей мокрой дороги. И Макс ехал по ней так, как умел: быстро, ровно и без единой мысли о том, что он везёт.

Глава 1. На обочине

Дождь за час не кончился, а разобрался с настроением и перешёл к делу: на объездной он уже не шёл, а шёл стеной. Туман поднялся из низин и стоял поперёк трассы, как будто кто-то вылил туда молоко. Фонари размывало в жёлтые пятна, и между ними был только асфальт — мокрый, отражающий, бесконечный.

Макс вёл Ямаху ровно. Не быстро — как надо. Дождь, туман, мокрая разметка: рвануть можно было, но посылка за спиной не прощала скорости. Рюкзак прочно сидел, замок застёгнут дважды — привычка, у которой нет истории.

До сдачи оставалось около тридцати минут. Макс миновал знак «Объездная», закрытую шиномонтажку, закрытый ларёк — и увидел её.

Фигура на обочине. Не силуэт — фигура. Девушка, без куртки, в свитере, который уже не спасал: ткань прилипла, висела на плечах, как чужая. Рюкзак прижат к груди. Рука вытянута — голосует. Стояла она не там, где голосуют: не у остановки, не на въезде в город, а посреди трассы, где останавливаются либо святые, либо идиоты.

Макс проехал.

Правило: не останавливаться.

Оно даже не дрогнуло. Оно сработало, как вбитый в стену гвоздь: ты можешь на него смотреть, но повесить на него можно что угодно, кроме себя. Макс ехал дальше — три секунды, пять, семь. Пустая обочина ушла в зеркало.

В зеркале она не ушла. Она осталась — маленькая, мокрая, с вытянутой рукой, и рука уже опускалась. Не быстро. Медленно, как опускается рука, когда человек перестал надеяться.

Макс смотрел в зеркало дольше, чем нужно было, чтобы ехать.

Он не знает зачем. Потом, позже, он будет объяснять это всем, кто спросит — и прежде всего себе: скорость малая, обочина широкая, остановка шинам не повредит.

Макс сбросил газ. Посигналил — коротко, глухо, чтобы обозначить себя. Посмотрел в зеркало: фигура ожила. Рука поднялась снова. Макс прижался к обочине, опустил ногу — асфальт под ботинком был мягкий, как тесто.

Она подбегала. Слышно было, как она бежит — не по-девчоночьи, а тяжело, брезгливо, как бежит человек, который уже бежал весь вечер. Макс сидел, не снимая перчаток, не поднимая визор.

Она подбежала. Не останавливаясь, он рванул визор вверх — резким движением, как открывают дверь, за которой страшно. Смотрел.

Мокрое лицо. Пряди волос прилипли ко лбу. Серые глаза — светлые, крупные, вода текла по ресницам, и было непонятно, плачет она или просто стоит под дождём. Губа разбита — слева, свежая, ещё тёмная. Свитер на плече лопнул по шву.

— До города. Пожалуйста. — Она вдохнула ртом, губа треснула от этого. — Пожалуйста.

Макс молчал.

Один час. Одна посылка. Ноль вопросов — три правила стояли за спиной, ровно, как ограда. Открывать визор дальше он не стал. Голос сквозь шлем вышел глухим, ровным.

— Куда?

— До города. Куда угодно. — Она говорила быстро, как будто слова могли убежать. — Куда угодно, слышишь? Пожалуйста.

Макс посмотрел на часы. Двадцать восемь минут. Рюкзак за спиной. Незнакомая девушка на пустой трассе в час ночи, мокрая, с разбитой губой, в том состоянии, когда человек уже не врёт, потому что врать больше нечем.

Правило говорило: не останавливаться. Правило говорило: не возить пассажиров при доставке. Правило говорило: вези и забывай.

Макс молчал секунды три. Потом поднял руку и щёлкнул замком кофра.

— Садись. Шлем надень.

Она не спросила «а вы кто» и «а вы куда». Она схватила шлем двумя руками, как хватают спасательный круг, и надела. Застёжка не поддалась с первого раза — пальцы не слушались. Макс потянулся, сам защёлкнул под её подбородком. Пальцы в перчатках, короткое движение — и всё.

— За мной держись. Крепко.

Она села. Села неправильно — сначала далеко, потом подобралась, руки легли ему на пояс — осторожно, как ложатся на горячее.

Макс тронулся. Выкатился на трассу, набрал ход.

И почувствовал.

Руки на его поясе — через минуту стали крепче. Холодные, дрожащие. Дрожь шла не от страха даже — от холода, долго копившегося, от усталости всего тела, от того, что руки больше не могли держаться сами. Она держалась не как пассажир. Она держалась, как держатся за то, за что больше не за что держаться.

Макс не сказал ничего. Включил поворотник, выехал на объездную.

Дождь бил в визор. Туман стоял по колено. Тридцать минут. Одна посылка. Один пассажир — тёплый, дрожащий, с разбитой губой.

И первое, что нарушилось за эту ночь, было не правило про пассажиров. Это правило про «не останавливаться» — оно уже не существовало. Оно лопнуло тихо, без звука, где-то на тридцать третьей минуте часа, на пустой объездной, когда Макс смотрел в зеркало на руку, которая опускалась, и не смог проехать.

Три правила. Одно нарушено. Ночь только начиналась.

Глава 2. Кофе и ложь

Заправка на окраине горела белым светом, как аквариум. Круглосуточное кафе при ней работало по ночам для трёх категорий граждан: дальнобойщиков, таксистов и тех, кому некуда идти. Сегодня в каждой категории прибавилось.

Макс вкатил на территорию, поставил мотоцикл под навес и открыл визор.

— Всё, приехали. Греешься.

Кира сняла шлем. Волосы упали мокрыми прядями, прилипли к щекам. Она оглядела заправку, кафе с мигающей вывеской «ОТКРЫТО», окна, за которыми сидел один таксист с чаем, — и сказала:

— Здесь безопасно?

— Здесь никого, — сказал Макс. — Это лучшая безопасность из доступных.

Внутри было тепло и пахло сосисками, кофе и моющим средством. За стойкой стояла женщина лет пятидесяти, в фартуке, с именем «Люда» на бейджике, наклеенном под углом в сорок пять градусов. Она подняла глаза на мокрую девушку в одном свитере, на мотоциклетного типа в чёрном, вздохнула — коротко, профессионально, как вздыхают над всей ночной жизнью сразу — и вернулась к стаканам.

— Кофе за мой счёт, — сказал Макс. — Два. И поесть можно? Что-нибудь тёплое?

— Есть сосиски. Есть булочки. Есть борщ, — сообщила Люда голосом человека, который обязан был сказать про борщ, но не испытывал иллюзий насчёт борща.

— Две сосиски. И полотенце есть?

— В туалете сушилка есть.

Кира уже шла к туалету — не оглядываясь, как будто боится, что если обернётся, ей скажут «куда пошла». Дверь за ней закрылась.

Макс остался стоять посреди кафе.

Один час. Одна посылка. По его счёту оставалось минут двадцать пять. И он стоял посреди пустого кафе на окраине, слушая, как за дверью туалета гудит фен, и не понимал, что делает.

Везти её дальше было нельзя. Везти себя было можно. У него был адрес в центре, рюкзак за спиной и двадцать пять минут. Курьер, который опоздает на тройную оплату, перестаёт быть курьером — и не факт, что в прямом смысле.

Фен погудел и стих. Потом загудел снова. Потом выключился совсем.

Дверь открылась.

Вышла другая.

В том же мокром свитере. Волосы были сухими, откинутыми назад, расчёсанными пальцами. И подбородок был поднят. Не задран — именно поднят. Спокойно. Как у человека, который потратил пять минут под феном, чтобы снова стать собой, и потрачены они были не зря.

Макс подумал, что это самое странное, что он видел за год: люди в таких историях не выходят из туалетов с поднятым подбородком. Они выходят грязными, дрожащими, с покрасневшими глазами. Она же вышла, как на встречу.

— Кофе, — сказал он, потому что молчать было уже невежливо.

— Сосиски?

— Сосиски.

Они сели у окна — за столик, где на каждой бумажке под стаканами был ночной город: дождь, лужи, жёлтые фонари, стилизованные до полной неузнаваемости. Кира взяла стакан двумя руками — так берут не напиток, а тепло. Губу задела краем. Сморщилась.

— Сосиску, — сказала она, — буду есть в профиль.

— В профиль?

— У меня губа разбита. Красиво получится.

— В профиль некрасиво, — сказал Макс. — Просто неудобно. Пилюлька какая-нибудь есть?

— Есть ибупрофен. В сумочке, которую я не взяла.

— Ну тогда в профиль.

Она посмотрела на него. Смотрела секунды три — так, что Макс почувствовал взгляд физически, как свет фар в зеркало.

— Ты кто?

— Курьер.

— Что возишь?

— Не знаю. Не моё дело.

— А что — моё?

— Дорога.

Кира улыбнулась.

Впервые за вечер. Улыбка вышла кривой — разбитая губа треснула, по ней проступила тонкая тёмная полоска. Она не испугалась, не отёрла рукавом, как отирают, когда хочется спрятать. Просто прижала салфетку, которую Макс уже протянул через стол, — молча, без пафоса, ровно в нужный момент.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— Что остановился.

— Не благодари. — Макс отпил кофе. Кофе был из машинки, палёный, с привкусом сосисок — и почему-то самый вкусный за день. — Я не из доброты. Просто ночь, дождь, обочина. Не мог не остановиться.

— А если бы было светло?

— Проехал бы.

Кира посмотрела. Не с вызовом — с интересом. Так смотрят не на ответ, а на то, как человек его говорит.

— Врёшь.

Макс молчал.

Она права, и он знал, что она права. Светло или темно, дождь или солнце, обочина или парковка у торгового центра — он бы остановился. Не потому что добрый. Потому что у него в зеркале рука опускалась медленно, как у человека, который перестал надеяться, — а это Макс где-то видел. Не на обочине. В другом месте. В другой жизни, которая закончилась два года назад и о которой он не думал.

Он молчал, потому что первое правило гласило: не спрашивать. Второе правило гласило: не открывать. А третьего правила — «не врать тем, кто спит у тебя за спиной на мотоцикле», — у него ещё не было. Оно появилось позже. Всё решалось проще простого.

— Сосиски, — сказала Кира. — Как ты сказал? В профиль?

— В профиль.

Она развернула тарелку боком, поправила, как художник — мольберт, и откусила — аккуратно, правым краем рта. Получилось смешно и красиво одновременно, хотя сам Макс не смог бы объяснить, как эти два слова уживаются в одной сосиске.

— Кстати, — сказала она, глотнув кофе, — у тебя есть минут десять? Я выхожу из туалета, а ты до сих пор смотришь на телефон, как будто там таймер.

Макс посмотрел на телефон.

На телефоне — «Склад». «Оплата тройная». И время, которое уже не влезало ни в какие три правила.

— Есть, — сказал он. — Минут десять.

— Расскажи про себя, — попросила Кира и положила локти на стол.

Глава 3. Таймер

Десять минут про себя Кира, как выяснилось, понимала иначе, чем Макс. Про себя — это значит десять минут её рассказа. Про отца, который говорил красиво и покупал тише. Про школу, где учили не поднимать руку, а поднимать бровь. Про то, как она в шестнадцать сбегала из дома на три дня, и её нашли за день, и больше не сбегала — до сегодняшнего вечера. Про сегодняшнее она не сказала почти ничего. Сказала: «Мне надо было исчезнуть. Вот и исчезла» — и посмотрела в окно на мокрый перрон заправки, и Макс не стал спрашивать.

Первое правило — не спрашивать. Оно, в отличие от третьего, держалось.

Когда она закончила, Макс вынул телефон. Не потому что хотел. Потому что таймер хотел.

На экране было сообщение от Толяна, пришедшее семь минут назад:

«Клиент передвинул время. Даёшь сорок минут от текущего момента. Не благодари».

Макс посмотрел на время. Пересчитал. Сорок минут. Толян не поблагодарил — но выручил, и оба это знали, и оба никогда этого не скажут вслух.

— Всё, — сказал он, вставая. — Я еду в центр. Тебе куда?

— В центр.

— Куда в центр?

Кира молчала. И это молчание было красноречивее любой географии: человек, который говорит «в центр», знает центр. Человек, который молчит на вопрос «куда» — знает и адрес, и почему этот адрес лучше не называть вслух.

— Ладно, — сказал Макс. — Довезу до метро. Оттуда сама.

— Нет метро.

— Ночью ходит. До пяти.

— Телефон сел. Денег нет. — Она произнесла это ровно, без жалости к себе, как читают список дефектов. — Я на мели.

Макс посмотрел на неё.

Секунду. Две.

Свет у окна был тёплый, от подсветки прилавка, и на этом свете её свитер был уже почти сухим, а вот глаза — нет. В них что-то осталось мокрым, и не от дождя: дождь сушится феном за пять минут, а такое не сохнет в принципе.

Макс считал правила. Не для совести — для отчёта, как проверяют снаряжение перед выездом.

Первое: не открывать. Целое. Пакет лежит за спиной, никто не открывал, включая его.

Второе: не спрашивать. Целое. Он не спросил ни про пакет, ни про неё. Почти.

Третье: не останавливаться. Нарушено — красиво, на пустой трассе, вопреки гвоздю в стене.

Четвёртое: не возить пассажиров при доставке. Было целым десять минут назад. Потом она села. То есть нарушено давно, просто он вёл счёт по старой ведомости.

Два правила из четырёх — в утиль. И вся его ночь, аккуратная, как коробка с ключами, теперь гремела от свободного места.

Оставался вопрос не «что делать», а «что делать с ней». В метро с нулём на счету и разбитой губой — можно, но там ночь, охрана и люди, которые задают вопросы, а вопросов она не заслуживала. Выставить на улицу — значит выйти из кафе и забыть, что за стеклом смотрел человек, который держался за него, как за спасательный круг. Ей куда-то. Хоть куда-то.

— Садись, — сказал Макс. — Едем.

Кира подняла бровь.

— В центр? С тобой?

— С тобой. — Он надел шлем. — Считай, ты багаж. Я вожу багаж. Особенно багаж, который молчит, когда надо.

Она усмехнулась — уголком рта, тем, что не разбит.

— А если я заговорю?

— Багаж не разговаривает, — сказал Макс. — Но ты уже проверяешь, да?

— Проверяю, — согласилась она.

Снаружи дождь утих до мороси. Заправка прощалась белым светом, Люда у окна подняла голову — проводила их взглядом так, как провожают взрослых детей, которые точно что-то замышляют, — и вернулась к стаканам.

Макс выкатил на объездную.

Визор. Дорога. Дворы — не проспекты: меньше камер, меньше глаз. За спиной снова руки на поясе — теперь уже не дрожащие. Теперь просто держащие.

Сорок минут. Одна посылка. Один багаж.

И одна мысль, которую Макс гнал от себя всё время, пока город проплывал в визоре мутными пятнами: а что, если Толян передвинул время не из доброты. Что, если клиент передвинул время — и это тоже чьё-то правило. Чужое. Про которое Макс ещё не знал.

Он дал газ.

Дворы-колодцы приняли их тишиной, редкими жёлтыми окнами и запахом мокрого асфальта, палёных шин и осени — городским запахом ночи, в котором всего этого ещё не было слышно: ни погони, ни метки, ни беды. Была только дорога. Пока — только дорога.

Глава 4. Дворы-колодцы

Дворы Макс знал, как свою куртку. Каждый колодец, каждый поворот, каждый шлагбаум, который сгнил в вертикаль ещё при прошлой мэрии. Проспекты были для людей: свет, камеры, патрули, парадные подъезды с консьержами, которые смотрят в глаза. Дворы были для тех, кто ехал. Тёмные арки, разрезы между домами, парковки-пустыри, где асфальт держал память о шинах лучше, чем память о машинах.

Он вёл быстро, но не сильно — по-рабочему. Пятнадцать минут до адреса. Кира держалась сзади уже иначе: не дрожала, не цеплялась — просто держалась, ладони на его поясе, и тепло её рук шло сквозь куртку точнее любого обещания.

Макс старался не думать. У него это получалось не очень. Думать он старался примерно так же, как не думать о царапине — пока её не зачешешь.

Первое, что он заметил, было в отражении витрины закрытого салона красоты: Кира повернула голову. Не «смотрела по сторонам» — искала. Глаза бежали по домам, по табличкам, по дворам, как пальцы по клавиатуре вслепую. Потом она чуть втянула голову в плечи — на полсантиметра, — когда мимо поплыл гаражный кооператив. Потом снова повернулась.

Так не едут. Так прячутся.

На светофоре у трансформаторной будки Макс заглушил мотор. Тишина упала вместе с дождём — мелким, усталым, уже не бившим, а шептавшим.

— Кто тебя ищет?

Кира замерла. Пауза была на длину вздоха.

— Никто.

— У тебя разбита губа. — Макс говорил в пустоту перед собой, ровно, без нажима. — Рюкзак пустой. Одежда мокрая. Ты не гуляешь. Ты бежишь.

Молчание. Светофор горел красным на пустой улице — никому, кроме них. Красный отражался в луже и тёк в решётку ливнёвки.

— Я не мент. Мне пофиг. — Он повернул голову на пол-оборота, не больше. — Но если за тобой гонятся, это влияет на мою доставку. А я доставляю.

Кира смотрела на затылок его шлема. По улице пробежала кошка — рыжая, мокрая до состояния бродячей ветоши, — пересекла двор и растворилась под машиной. Где-то на кухне у кого-то булькала кастрюля: ночь только казалась мёртвой, в ней жили сотни кастрюль.

— Муж, — сказала Кира.

Пауза.

— Бывший.

Пауза.

— Неважно.

— Важно. — Макс вернул взгляд на дорогу. — Если он тебя найдёт, найдёт и меня. А мне надо доставить.

— Доставь. Я не помешаю.

— Уже помешала.

Пауза. По длине — самая тяжёлая за ночь. Хуже, чем на обочине, потому что там она просила, а здесь — молчала. Просить умеют все. Молчать так, чтобы человек чувствовал себя виноватым, — это уже талант.

— Прости, — сказала Кира.

— Не извиняйся. — Макс завёл мотор. — Лучше скажи, где тебя высадить, чтобы ты была в безопасности.

Он выехал из двора, шлёпнул колесом через лужу и снова нырнул в следующий. Задний ход мысли при этом продолжал работать, как двигатель на холостых.

— Никуда, — сказала Кира. — Мне некуда.

Голос был ровный. Не жалующийся, не драматичный — просто констатация, как сообщают о погоде. И именно поэтому она прозвучала хуже любого крика. Плач — это когда ещё есть кому достаться. «Никуда» — это когда уже никуда.

Мотоцикл гудел. Дождь стучал по визору. Между домами мелькали тёмные окна, бельевые верёвки с мокрым бельём, спящие «Жигули» под плёнками. Город спал и не знал, что в его дворах едет человек, который через восемь минут должен передать чёрный пакет, и девушка, из-за которой он, возможно, уже не успеет.

Макс ехал и считал — не минуты. Варианты.

Вокзал. Круглосуточный, есть камеры хранения, есть свет, есть люди. Но на вокзале есть и те, кто по ночам отбирает у девчонок без документов последнее, — и он вёз её прямо в руки к ним.

Автоматическая камера в отеле. Без карты не пустят. У него карта есть, у неё — нет, и «гостиница на одну» с разбитой губой — это история, которую потом будут рассказывать в протоколе.

Всё остальное — улица. Улица в октябрьский дождь. Он один раз ночевал на улице — сразу после возвращения, два года назад, когда было всё равно, — и помнил не холод. Помнил то, как к утру перестаёшь чувствовать себя человеком. Ей это было нельзя. Он сам не смог бы объяснить, почему нельзя именно ей, — но нельзя.

Светофор вспыхнул зелёным — без причины, как мигают светофоры ночью, когда никого нет.

И Макс принял решение. Третье правило этой ночи, не считая остановки и пассажира, — самое дорогое. Правило, которое нельзя было оправдать ни дорогой, ни доставкой.

— Останешься у меня, — сказал он. — На ночь. Утром решим.

Руки на его поясе дрогнули. Один раз — как вздрагивают, когда не верят.

— У тебя? — Кира наклонилась чуть ближе, голос дошёл до самого уха. — А где у тебя?

— Гараж.

— Ты живёшь в гараже?

— Сплю в гараже. Живу на дороге.

— И это...

— Это лучше вокзала, — сказал Макс. — Там чисто, тепло, есть чайник. И Гена за стеной храпит так, что любой враг чует за версту. Разбегутся от одного храпа.

Кира засмеялась — коротко, сквозь нос, осторожно, чтобы не треснула губа. И этот смешок был первым звуком за вечер, который не просил и не оправдывался. Просто смех.

— Ладно, — сказала она. — Веди.

Макс свернул в очередной колодец. Двор принял их — тёмными окнами, мокрым бельём, спящей кошкой под машиной, которая проводила их жёлтыми глазами и вернулась ко сну.

До адреса оставалось шесть минут. Одна посылка. Один багаж, который сам заявила, что она багаж, — и уже перестала им быть.

А третье правило — «не привозить чужих людей к себе» — в его внутреннем уставе даже не значилось. Значилось теперь. Все правила, которые появляются задним числом, появляются не зря.

Он дал газ. Двор кончился, начался следующий. Дождь шептал. Шесть минут.

Глава 5. Гараж

До адреса оставалось шесть минут. Макс знал это точно, потому что считал минуты всю дорогу, как дышал.

И он повернул не туда.

Кира почувствовала поворот — почувствовала спиной, всем телом: мотоцикл качнулся, пошёл в сторону от центра, от адреса, от всего, что было «делом».

— А доставка? — крикнула она сквозь шлем.

— Перенесу!

— Тебе можно переносить?!

— Нет! — сказал Макс и добавил газу уже в другую сторону.

Это было, вероятно, самое глупое решение за три года работы. Клиент с тройной оплатой, адрес в шести минутах, ночь, всё идёт по плану — и он поворачивает в сторону гаражного кооператива, потому что вёз багаж, который перестал быть багажом где-то в четвёртом дворе.

Он поставил «Ямаху» под навес, снял замок, открыл ворота. Внутри пахло бензином, железом и старым деревом — запахом, от которого у него каждый раз что-то отпускало в груди. Самое честное место в городе.

— Заходи. Только не ударяйся, тут низкая полка.

— Ты вообще уверен, что я тут могу?

— Нет. Садись, раз не уверен.

Он включил лампу над верстаком — единственную, потолочная не работала с зимы. Гараж осветился честно и по-домашнему: раскладушка, на которой спальный мешок лежал вытянутым ровным валом, плитка на ящике из-под пива, чайник, полка с книгами. Достоевский, стопка Хэммета, и между ними — инструкция к «Ямахе», потрёпанная, с загнутыми уголками, самая читаемая из трёх.

Кира стояла посреди гаража и медленно поворачивалась.

— Ты тут живёшь?

— Сплю. Живу на дороге.

— А где дом?

— Это дом.

Она посмотрела на него — коротко, искоса, как смотрят, когда не понимают, шутит человек или нет, и понимают, что не шутит. Потом подошла к полке. Провела пальцем по корешкам: Достоевский, Хэммет, инструкция.

— Читал?

— Инструкцию — да.

— А книги?

— Пробовал. Не всегда доходило. — Макс уже ставил чайник. — С Достоевским так: открываешь, читаешь, через двадцать страниц думаешь о дороге. Хэммет честнее. Там стреляют.

— Ты промокнул горло. — Хэммет — это про частных сыщиков?

— Это про то, что вопросы задавать опасно. Тебе понравится.

Кира усмехнулась. Усмехнулась и осеклась — губа. Приложила палец, посмотрела на него, как будто сверилась с ценой улыбки.

— Можно... переодеться?

— У меня только моё. — Макс открыл железный шкаф, вынул свитер и спортивные штаны. — Свитер, штаны. Будут велики. Это лёгкая проблема по сравнению с твоей.

— У меня проблемный рейтинг — у меня всё велико, — сказала Кира, приняла стопку и посмотрела по сторонам. — А переодеваться где?

— Вот. — Макс кивнул на лист фанеры, прислонённый к стене. Отдельно стоящий, с крючком на верёвке — ширма в первую мировую. — Нова?

— Романтичнее не придумаешь.

Он отвернулся первым. Занялся плиткой: зажёг, подёрнул воду, поставил чайник. Слышал за спиной — шуршание мокрой ткани, вялое, вязкое, как шуршат только мокрые вещи. Потом тишина. Потом:

— Чёрт.

Тихо, почти без злости. Он понял: свитер. Мокрый свитер не проходит через голову — прилипает, а чтобы стянуть, надо потянуть за ворот, а ворот пройдёт по разбитой губе. Макс очень старательно помешивал несуществующий чай.

Потом тишина. Потом:

— Готово.

Макс обернулся.

Она вышла из-за фанеры в его свитере — том самом, сером, который был куплен два года назад на распродаже рабочей одежды и с тех пор жил в гараже. На ней он доходил до колен. Рукава она закатала в три оборота, штаны — в четыре, и они всё равно висели на бёдрах с той небрежной точностью, с которой чужие большие вещи сидят только на одних людях. Волосы были сухими, свободными. Свитер делал её моложе и меньше. Разбитая губа делала старше и страшнее.

Макс смотрел.

Впервые за вечер — дольше, чем нужно. Не в глаза, не в лицо — просто на неё, целиком, тем взглядом, который сам себя не контролирует и поэтому честнее всех разговоров. Он поймал себя на том, что уже секунду как не думает о доставке, и было в этом что-то пугающе новое: за весь вечер он ни разу не переставал считать минуты. А сейчас не считал.

— Что? — спросила Кира. — Не подходит?

— Подходит.

— Я знаю, что выгляжу смешно.

— Не смешно.

— А как?

Макс отвернулся к чайнику. Чайник как раз закипел — вовремя, потому что иначе ответить было бы нечем.

— Как дома, — сказал он спиной.

Кира молчала. Он не видел её лица, но слышал — не звук, а саму тишину, — как она это переваривает. Чайник затихал, дышал паром. За стеной, в соседнем гараже, Гена дожёвывал свою ночь: храп сходил с первого заезда и брал ровный рабочий ритм.

Макс налил два стакана — чай был тот самый, из пачки «со вкусом бергамота», которая на вкус была со вкусом пачки. Поставил на ящик. Они сели: она на раскладушку, он на табурет — не сговариваясь, каждый своё.

И тут он посмотрел на часы.

Без двадцати два. До сдачи — минус двадцать. Он уже не опаздывал. Он опоздал. Клиент ждал в два часа ночи в центре, а курьер сидел в гараже на окраине на табурете и смотрел, как девушка в его свитере греет ладони о стакан.

Телефон лежал в куртке молча. Пока молча.

— Что? — спросила Кира. Она всё видела. Такие видят всегда.

— Чай остывает, — сказал Макс.

— Макс.

— Пей.

Она пила. Гараж гудел тишиной, Гена храпел, чайник остывал на плитке тонким постреливанием железа, и где-то в центре города человек в дорогом костюме, наверное, уже смотрел на часы.

Макс смотрел на Киру.

Час прошёл. Посылка осталась. Вопрос — тоже. Но впервые за вечер все три звучали ровно с той же громкостью, что и этот гараж, и этот чай, и этот человек в его свитере, который говорил «спасибо» за стопку штанов так, как другие люди не говорят за спасение.

Это было плохо. Это было очень, очень плохо.

Он отпил чай.